

посту» (1926, № 2). Его оценка романа «Барсуки» сохраняет и сейчас немалое значение, не говоря уже о том, что она сыграла большую роль в период острой полемики о романе в 20-х годах. «Хороших, даже очень хороших произведений,— писал Луначарский,— в нашей русской литературе самых последних годов не мало. Выбор сделать не так легко. Но в общем, кажется, приходится склониться к «Барсукам» Леонова. Произведение это не только в высшей степени смело по своей теме... но соединяет в себе тщательную художественную обработку каждой страницы с огромной эпической широтой охвата» («На литературном посту», 1926, № 2). В другой статье — «О современных направлениях в русской литературе» — Луначарский из всех писателей-попутчиков особо выделяет «два несомненно крупных беллетристических таланта нашей литературы: молодой Леонов и Сейфуллина. «Барсуки» Леонова и «Виридея» Сейфуллиной — наивысшие достигнутые ими пункты — являются ценнейшим вкладом в русскую литературу...» («Красная молодежь», 1925, № 2).

Жаль, что не отражены в указателе отзывы критики на такие произведения, как «Конец мелкого человека» и «Петушихинский пролом». Создается впечатление, что они прошли незамеченными критикой. На самом же деле, помимо отзывов в общих критических работах о Леонове (что также надо было отметить путем аннотаций), на эти произведения имелись и самостоятельные рецензии (К. Локс, Л. Леонов. «Конец мелкого человека», — «Печать и революция», 1924, № 6; Авг. Рашковская, — «Русский современник», 1924, кн. 3; К. Локс, «Петушихинский пролом», — «Печать и революция», 1924, № 2).

Нельзя признать удачными аннотации, которыми составитель снабжает некоторые критические статьи, помещенные в указателе. Они носят очень общий характер, не вскрывают существа ошибок, допущенных авторами статей, не отражают картины острой борьбы и полемики, которая разворачивалась вокруг произведений Л. Леонова.

Неудачен принятый В. Акимовым прием библиографического описания высказываний Л. Леонова по отдельным вопросам литературы и искусства, которые помещались в периодических органах среди заметок других писателей и общественных деятелей под общими рубриками «Писатели о мещанстве» и т. д. В указателе дается полное описание этих рубрик, а не конкретное высказывание Леонова, и создается впечатление, что у Леонова имеются статьи под таким заглавием.

Несмотря на указанные выше недочеты, работа В. Акимова представляет несомненный интерес. Будем надеяться, что Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина продолжит начатое дело и вслед за первым справочником выпустит целую серию хорошо составленных указателей.

Н. ГЕЛЬФАНД, Ю. ЛАУФЕР

СПОР О РАЙНИСЕ *

С тех пор как освобожденная Латвия влилась в братский Союз Советских Республик, особенно резко возрос интерес нашего читателя к книгам выдающегося поэта XX века Яна Райниса. В лучших произведениях этого художника революционный гуманизм пролетариата выражен с таким темпераментом и в таком многообразии тем, жанров, изобразительных средств, всякий раз новаторски примененных,

* Э. Сокол, Жизнь и творчество Яна Райниса. Литературно-критический очерк, Рига, Латгосиздат, 1957, 324 стр.

что вместе с латышами Райнисом гордятся все советские люди. Это поэт мирового значения.

И любовь к Райнису в нашей стране — давнишняя. Еще в царской России его творения были высоко оценены Горьким, принявшим участие в издании «Сборника латышской литературы» (1916), в котором Райнису отведено большое место. Выступая на Первом съезде советских писателей, М. Горький сказал о Райнисе, что это «мощный поэт» («О литературе», 1953, стр. 728).

Вместе с тем поэзия Райниса сложна, отдельные произведения этого художника противоречивы, многое из написанного в последние годы жизни Райниса уступает тому, что создано поэтом перед революцией 1905 года и в разгар революции.

Националистические круги пытались — и за границей до сих пор пытаются — интернационалиста Райниса истолковать как своего единомышленника. Меншевистские деятели выискивали в творчестве поэта идеи классового мира. В противовес этому марксистско-ленинская критика, не скрывая слабых сторон Райниса, сосредоточивает свое внимание на революционном содержании его книг, которые рассматриваются как зеркало жизни и борьбы масс.

Э. Соколу, который в течение многих лет изучает поэзию Райниса, принадлежит немалая заслуга в очищении облика Райниса от глянца, наведенного явными и скрытыми недругами поэта. В работах Э. Сокола главное внимание уделяется характеристике сложных и многосторонних связей Райниса с освободительным движением латышского народа. Эта черта присуща и недавно опубликованной на русском языке его книге «Жизнь и творчество Яна Райниса».

Для обоснования своих взглядов исследователь привлекает не только художественные произведения поэта, но также публицистику и переписку Райниса. Он знакомит читателя и с архивными материалами, которые свидетельствуют, что официальные круги царской России рассматривали Райниса как революционера и врага самодержавия и поэтому подвергали его преследованиям.

Э. Сокол освещает непосредственное участие Райниса в борьбе прогрессивного крыла «Нового течения», затем в деятельности латышской социал-демократии, а также воздействие на него со стороны ленинского ядра партии. Благодаря всему этому в книге вполне отчетливо обозначен главный источник поэзии Райниса — общественная жизнь.

Автор книги о Райнисе тщательно прослеживает восприятие поэтом русской литературы. Он останавливается на тех контактах, которые были у Райниса с традициями и творческими установками Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина и Горького. Таким образом устанавливается один из основных стимулов духовного роста и совершенствования поэзии Райниса. Э. Сокол в ряде случаев стремится отойти от общих слов о влиянии и конкретно проследить, в чем сказалось воздействие того или иного русского писателя на мировоззрение и метод Райниса.

К сожалению, некоторые тезисы, выдвинутые здесь исследователем, выражены декларативно и дают обедненное представление о поэте. Если поверить следующему утверждению Э. Сокола, то трудно сказать, в чем же проявилась творческая индивидуальность Райниса: «От русской литературы Райнис *перенял* (подчеркнуто нами. — И. Д.) воинствующую направленность критического реализма, высокое творческое мастерство, предельную ясность мысли, культуру языка и подлинную народность» (стр. 29). Не плодотворнее ли было бы изучить, как все эти коренные свойства поэ-

зии Райниса, имеющей национальные истоки, обрели большую весомость и силу благодаря общению поэта с русской литературой!

В особенности неубедительно прослеживается влияние Салтыкова-Щедрина на Райниса. Автор книги не учитывает того, что Салтыков-Щедрин писал не в тех исторических условиях, что Райнис. Э. Сокол не принимает также во внимание того, что русский сатирик был прозаиком, а не поэтом, и это определило во многом художественную специфику его сатиры. Райнис же выработал свои приемы, применял свои средства, ставшие пригодными для сатирической поэзии XX века. Конечно, это не означает, что Райнису нечего было воспринять у Салтыкова-Щедрина. Это означает, что восприятие было сложным, творческим, и его нельзя охарактеризовать словом «перенял».

Отведя много места воздействию современности и русской литературы на творчество Яна Райниса, автор книги не упускает из виду и процесс освоения поэтом достижений всей мировой культуры. Здесь даны развернутые, подтвержденные материалом характеристики. Но и в данном случае возникает известная неудовлетворенность при ознакомлении со всем многообразием факторов, действовавших на Райниса. Происходит это потому, что Э. Сокол бегло говорит о месте Райниса в латышской литературе, о предшественниках Райниса в Латвии и совсем не касается школы Райниса в современной поэзии, то есть воздействия самого Райниса на ход развития латышской литературы.

В книге Э. Сокола прослежена жизнь Райниса с начала общественной и литературной деятельности до последних лет творчества. Автор рассматривает произведения Райниса, написанные в первом десятилетии XX века: сборники стихов «Далекие отзвуки в синем вечере» (1903), «Посевы бури» (1905), «Новая сила» (1907), «Тихая книга» (1909—1910), а также пьесу «Огонь и ночь» (1905) и некоторые другие произведения, написанные в 10-х и 20-х годах. Исследователь систематизирует множество разнородных стихотворений, выявляя прежде всего обличительную тенденцию в поэзии Райниса. Он характеризует и развертывание романтической линии в творчестве великого поэта.

Обобщая свои наблюдения над сатирически заостренными портретами буржуа и романтическими образами борцов за счастливую жизнь, которые созданы поэтом в первых поэтических сборниках и пьесах, анализируя мировоззрение Райниса, Э. Сокол приходит к важному теоретическому выводу: «Райнис является зачинателем и основателем социалистического реализма в латышской литературе» (стр. 10).

Это положение последовательно отстаивается исследователем и в других его работах. Ценность книги Э. Сокола состоит в том, что она направлена против имеющей хождение теории, будто в условиях капиталистического общества развивается не социалистический реализм, а его предтеча — «пролетарский реализм». Автор книги дает ясно понять, что в условиях освободительной борьбы революционного пролетариата, вооруженного марксизмом, развитие искусства социалистического реализма является закономерностью.

Надо, правда, признать, что с аргументацией у Э. Сокола дело обстоит не всегда благополучно, хотя в целом его взгляды и соответствуют истине. Уязвимость книги о Райнисе проявляется в том, что ее автор обосновывает свою концепцию главным образом путем подбора цитат к выдвигаемым тезисам.

Без цитат, конечно, нельзя обойтись, ведя речь о творчестве поэта. Но, оснащая

свою книгу множеством цитат, Э. Сокол, как правило, не говорит о художественном произведении как о чем-то законченном, где есть определенная система образных средств, своя композиция, своя тональность. Для него не важно, что идеи в приводимых цитатах связаны с другими идеями и зависят от художественного произведения в целом.

Именно поэтому автору книги о Райнисе часто не удается раскрыть неповторимое звучание стиха Райниса, особенности художественных разрешений, черты и эволюцию райнисовского лирического героя, своеобразное использование символики на различных этапах творческого развития поэта.

Отдельные, рассыпанные по книге замечания, касающиеся стиля, языка и в целом творческой манеры Райниса, зачастую верны. Но всякий раз каждое из них повисает в воздухе, не будучи крепко связанным с основанием поэзии Райниса, с ее художественной структурой. Так, например, утверждение, что «у Райниса свой стиль, свои сатирические преувеличения, чисто райнисовские приемы изображения» (стр. 109), остается многообещающей, однако не аргументированной заявкой. А хотелось бы, чтобы это был вывод, к которому читатель подводится системой доказательств.

Наряду с комментированием цитат Э. Сокол нередко пользуется приемом описательной характеристики произведений, который трудно считать эффективным.

Так, «описывая» «Тихую книгу», Э. Сокол заявляет: «Строителю нового поэт дает совет — меньше ссылаться на ученых мужей, а больше вникать во все самому, самому добираться до корней добра и зла:

Кто должное добру и злу воздаст,
Тот заново вселенную создаст.

(«Строители нового»)

У человека-борца две обязанности в жизни, и первая — стоять насмерть за будущее своего класса:

Двойная каждому из нас
Дана задача... и т. д.

(«Двойная ответственность»)

Однако даже в самые тяжелые минуты надо думать о жизни, а не о смерти:

Думай о жизни,
Не о могилах.
Свободе отчизны
Отдай все силы.

(«Думай о жизни, не о смерти», стр. 209—210).

Названы три стихотворения, но много ли мы узнали о них? И дальше в таком же роде: тезис, а за ним — цитата.

Создается такое впечатление, что автор бывает безразличен даже к тому, в каком жанре написано то или иное произведение Райниса: анализ лирики, по существу, ничем не отличается от характеристики пьес.

Рассматривая одно из выдающихся драматургических произведений Райниса — «Огонь и ночь», — автор касается отдельных образов — Лачплесиса, Спидолы, Лаймдоты, Черного рыцаря, но этим и ограничивается, словно в этой пьесе нет сюжета, композиции, стилевых особенностей.

Одной из наиболее сложных научных проблем является эволюция творчества Райниса. По этому вопросу существует несколько точек зрения. Э. Сокол находит,

что Райнис, освоив метод социалистического реализма, затем в течение всей своей деятельности не отступал от избранного пути. Другие советские исследователи относят Райниса к революционным романтикам.

Несколько лет тому назад критик К. Краулинь выступил в журнале «Карогс» (1953, № 9) со статьей, в которой утверждал, что поэзия и драматургия Райниса периода революции 1905 года должны быть отнесены к искусству реализма. Многие произведения, написанные в эмиграции и в буржуазной Латвии, по мнению Краулиня, свидетельствуют о том, что Райнис отступил от принципа реализма: они выдержаны в духе романтической эстетики, причем некоторые из них относятся даже к пассивному романтизму.

Вскоре после публикации статьи К. Краулиня в Риге началась дискуссия о творческом наследии Райниса, в ходе которой не было установлено единого взгляда на творческий метод и характер идейной эволюции поэта.

В последней своей работе — критико-биографическом очерке «Ян Райнис» (Гослитиздат, 1957) — К. Краулинь говорит о том, что «в основе своей революционный романтизм Райниса органически связан с реальной жизненной действительностью», что «реализм творчества Райниса особенно виден там, где поэт остро сатирически высмеивает дворянство, буржуазию, мещанство, всех и всяческих предателей народа. Ощутим он и там, где Райнис говорит о революционной борьбе пролетариата. Лучшие произведения поэта глубоко проникнуты социалистической идейностью» (стр. 155). Характеризуя лирического героя поэзии Райниса, критик отмечает, что это «пролетарий, бесстрашный борец против царского самодержавия и против национального и социального гнета» (стр. 67—68).

Автор книги «Ян Райнис» не решается, однако, прийти к закономерному выводу, что творчество Райниса относится к литературе социалистического реализма. По мнению К. Краулиня, «творческий метод Райниса назвать социалистическим реализмом нельзя потому, что реалистическое изображение жизни в революционном развитии не стало основой, исходным пунктом, определяющим все остальные принципы и приемы творчества поэта» (стр. 157).

В этой формулировке мало ясности. Критик исходит из того, что «изображение», не стало «основой».

Поэтому представляется более обоснованной точка зрения Э. Сокола о том, что Райнис, выражая в своем искусстве эстетические отношения к действительности «основного класса» (так поэт называл пролетариат), стал в латышской литературе первым представителем социалистического реализма.

Но, с другой стороны, когда речь идет об эволюции поэта, то здесь взгляды Краулиня нельзя столь категорически отвергать, как это делает Э. Сокол в книге «Жизнь и творчество Райниса». Полемизуя с Краулинем, Э. Сокол настаивает на том, что, несмотря на богоискательство и другие идейные метания, Райнис всегда оставался на позициях социалистического реализма. Э. Сокол ссылается на то, что, будучи даже оторванным от рабочего движения, Райнис создал ряд произведений, насыщенных духом борьбы и отражающих интересы передовых сил Латвии. В общем это верно.

Можно указать на пьесу «Вей, ветерок» (1913), на «Майский манифест всем трудящимся» (1913), опубликованный в нелегальной «Цине», на поэму «Суд в Талсы» (1914) и на драму «Илья Муромец» (1922). Но ведь вместе с тем в 10-х и 20-х годах Райнисом созданы и такие книги, которые во многом составляют контраст указанным

выше произведениям. Так, в пьесе «Иосиф и его братья» (1914) гуманизм поэта принимает абстрактный характер и отличается своей расплывчатостью от социалистически осознанного гуманизма «Огня и ночи» или «Посевов бури». Еще дальше Райнис ступает от революционных идеалов в сборнике «Дочь луны» (1925) и некоторых других произведениях, оказываясь, как правильно отмечает в упомянутой журнальной статье К. Краулинь, во власти пассивного романтизма.

Думается, что научная оценка творческого метода Райниса должна быть основана на строгом учете всех особенностей эволюции поэта, его сближения с авангардом революционного пролетариата, а также на анализе философских и политических ошибок Райниса, которые не могли не отразиться на его творчестве. Э. Сокол не замалчивает противоречия позднего Райниса, но несколько приглаживает их.

Литературные достоинства книги Э. Сокола снижены сухостью стиля. Имеются в книге и фактические неточности, появившиеся в результате опечаток, которые следовало бы оговорить.

На стр. 20 говорится, что «при переходе остзейских, т. е. прибалтийских, земель к России в XIII веке царское правительство сохранило за немецким дворянством средневековые привилегии». На самом деле в XIII веке к России никакие земли не «переходили» и царского правительства еще не существовало. Все это было в XVIII веке.

На стр. 29 утверждается, что, будучи в ссылке в 1889 году, Райнис писал Аспазии, чтобы она читала в русских журналах новейшие произведения Горького. Но в 1889 году Райнис не был в ссылке, не писал Аспазии, а Горький еще не печатался в журналах. Все это было десять лет спустя.

Отдельные недостатки книги Э. Сокола не должны заслонить ее серьезных достоинств.

Э. Сокол собрал и систематизировал много данных о творчестве Райниса; его книга представляет несомненный интерес для читателя. Надо ожидать, что исследователь приложит усилия, чтобы углубить и улучшить работу.

И. ДУБАШИНСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЕ О РЕАЛИЗМЕ ПУШКИНА*

Вышла из печати новая книга Г. Гуковского — «Пушкин и проблемы реалистического стиля». Известный исследователь русской литературы, автор многих серьезных монографий и популярного учебника, Г. Гуковский много сделал для научного изучения русской литературы XVIII столетия. Именно это обстоятельство подготовило его для плодотворной работы над историей литературы XIX века. Незадолго до смерти Г. Гуковский задумал создать многотомное монографическое исследование истории русского реализма. Три книги из намеченного обширного цикла ему удалось написать. В 1946 году издательство Саратовского университета напечатало первую часть — «Пушкин и русские романтики»; теперь издана вторая часть — «Пушкин и проблемы реалистического стиля»; третья, посвященная Гоголю, в ближайшее время выйдет в Гослитиздате.

* Г. А. Гуковский, Пушкин и проблемы реалистического стиля, Гослитиздат, 1957, 413 стр.